

Янь Юнь никогда не видел Линь Аня, но понимал: это сообщение могло разбить решимость Линь Фэнмина, а значит — перечеркнуть всё его будущее. Он не знал, была ли это очередная ловушка родителей или пугающая правда.

В конце концов, именно Линь Юнхуэй когда-то обманом заманил сына домой, заявив, что у брата случился острый приступ. Имея перед глазами такой пример, Янь Юнь не посмел ставить на кон судьбу юноши.

Если ради этого нужно было стать злодеем — что ж, так тому и быть.

Лишь в тот миг он осознал, насколько может быть эгоистичным и даже подлым. Он так отчаянно желал, чтобы Линь Фэнмин вырвался из этого дома, так хотел, чтобы тот получил всё, о чём мечтал, что удалил сообщение без тени сомнения.

Где-то в глубине души он даже ощущал неприязнь к Линь Аню. Он ненавидел само существование этого человека, из-за которого первые восемнадцать лет его жизни превратились в бесконечную череду боли и мрака. Осознание этой ненависти породило в Янь Юне небывалое чувство вины: тот не был виноват в своей инвалидности, а Янь Юнь ненавидел человека, которого даже не знал. Это шло вразрез со всем воспитанием, которое он получил.

В ту ночь он так и не сомкнул глаз. На следующий день стресс дал о себе знать на экзамене по естественным наукам: он не смог решить задачу по термодинамике из факультатива по физике и был вынужден переключиться на менее знакомую оптику. Лишь вечерний экзамен по английскому удалось сдать прилично благодаря хорошей базе.

К счастью, его результаты на творческом конкурсе были блестящими, да и школьная подготовка не подвела. Несмотря на все злоключения, он всё равно занял первое место при поступлении на актёрский факультет Университета Т.

Позже, из полных стенаний и слёз рассказов Жэнь Минь, они узнали «правду»: Линь Ань якобы прыгнул, чтобы не обременять брата.

Младший сын, который должен был сдавать экзамены, оказался заперт дома собственными родителями — и всё ради того, чтобы птица, рождённая для полёта, провела жизнь в клетке, охраняя покой калеки. Старший брат якобы не выдержал этого и решил покончить с собой, даруя Линь Фэнмину свободу.

Именно это долгие годы терзало совесть Янь Юня. Ради будущего любимого человека он фактически спровоцировал его разрыв с семьёй.

Но так ли всё было на самом деле? Линь Фэнмин никогда в это не верил.

«Если бы Линь Ань действительно хотел освободить меня, он бы никогда не прыгнул в день экзамена — в самый важный момент моей жизни»

Линь Фэнмин рассуждал с почти ледяной жестокостью.

Более того, прыжок с четвёртого этажа? Рядом с их домом была площадка высотой в десяток этажей. Если бы он действительно хотел умереть, почему не прыгнул оттуда?

Конечно, падение с четвёртого этажа могло стать фатальным, но юноша просто не верил в искренность этого суицидального порыва. Он слишком часто слышал сказку о «мальчике и волках», чтобы принимать её на веру.

Янь Юнь не знал Линь Аня, но Линь Фэнмин изучил его вдоль и поперёк. Тот вовсе не искал смерти — он искал способ отомстить, способ привязать брата к себе моральным долгом и заставить его вернуться.

Родители день за днём баловали его, обещая, что младший сын будет заботиться о нём до конца своих дней. Но Линь Ань видел, как тот, кто должен был стать его опорой, растёт, становясь всё ярче и недостижимее.

Он понял: рано или поздно брат уйдёт. Когда родителей не станет, Линь Фэнмин не потратит на него ни секунды своего времени.

Стоило юноше уехать учиться, и Линь Аня отправили бы в дом престарелых, где в руках санитаров он окончательно лишился бы всякого достоинства.

Старший брат, безусловно, был привязан к нему, созданному для служения, но это была болезненная, одержимая привязанность.

Это искажённое чувство достигло своего пика, когда Линь Фэнмин однажды чётко, разделяя каждое слово, произнёс:

— Мне никогда не нравилось имя Линь Нинъань.

— ...Не нравится, так не нравится, — отозвалась тогда измождённая фигура в инвалидном кресле, подавляя бурю эмоций и пытаясь казаться беззаботной. — Как раз нашему Нинъаню исполнилось восемнадцать. Давай брат придумает тебе новое имя, а?

— Не нужно, я уже выбрал.

Юноша холодно отставил пустую посуду и закинул рюкзак на плечо.

— Оставь тарелки, я помогу их вымыть, когда вернусь с занятий.

Линь Ань замер:

— И как же звучит твоё новое имя?

— Линь Фэнмин. — Произнося это имя, он невольно запнулся. — Фэнмин, как в легенде о фениксе, поющем на горе Цишань.

— Красиво, — брат до боли сжал палочки для еды, нацепив на лицо бледную улыбку. — Не зря ты мой брат, такое имя подобрал...

Юноша прервал его:

— Это не я его придумал.

Тот резко вскинул голову, в упор уставившись на брата. Его тон мгновенно похолодел:

— А кто?

Линь Фэнмин стоял к нему спиной и не ответил. В этот самый момент снизу донёлся звонкий голос:

— Линь Ниннин! Долго ты там ещё копаться будешь?

— Ой, неужели невестка здесь живёт? — следом зазвучал чистый женский голос. — Это не тот ли паренёк, которого ты спас...

— Заткнись, больно много ты знаешь!

Он подошёл к окну, размахнулся и швырнул вниз какой-то свёрток, угодив прямо в голову кричавшему.

— Какая сволочь тут мусорит... — выругался тот, задирая голову. Увидев Линь Фэнмина, он сначала оторопел, а затем его губы непроизвольно расплылись в улыбке. Парень весело вскинул брови: — О, а я-то думаю, чего ты не спускаешься. Решил в «Речные заводи» поиграть?

Тот понял намёк на Пань Цзиньянь, но не разозлился. Он лишь одарил его коротким, ничего не выражающим взглядом:

— Именно. Так что будь добр, господин Симэнь, потише.

С этими словами он закрыл окно. Внизу на три секунды воцарилась тишина, а затем последовал взрыв негодования:

— Сам ты Симэнь Цин! У тебя вся семья — Симэни!

Линь Ань поднял взгляд на брата, не мигая наблюдая за ним:

— Это он дал тебе имя?

Линь Фэнмин молча вышел за дверь, даже не удостоив его взглядом.

Это был их последний разговор перед экзаменом. В тот же вечер вернулся Линь Юнхуэй с новостью о «приступе» у брата, велел немедленно возвращаться, и юноша оказался заперт родителями вплоть до самого начала тестов.

Он жаждал сбежать из этого дома. Ему не нужен был такой брат, и уж тем более — такие родители.

***

Линь Фэнмин откинулся на спинку дивана, вертя в руках бокал и невольно воскрешая в памяти события, которые старался похоронить навсегда.

С шести лет он начал готовить для Линь Аня — и делал это двенадцать лет подряд.

Первым делом после возвращения домой он всегда умывал брата, готовил еду, менял ему одежду. Опоздал с обедом — получал побои; не успел вовремя вытереть пятно с одежды — выслушивал проклятия.

Только когда Линь Ань засыпал, он мог сесть за уроки. Но даже сон его был чутким: тот не мог самостоятельно сходить в туалет ночью, его атрофированная нижняя часть тела давила на органы и мочевой пузырь. Приходилось вставать три-четыре раза за ночь.

Из-за этого Линь Фэнмин страдал от бессонницы с десяти лет и до самой свадьбы с Янь Юнем.

Нельзя сказать, что брат был с ним совсем уж жесток. Многие родственники считали, что Линь Ань делает для него «всё возможное». Ведь он никогда не бил его сам, Линь Фэнмину нужно было лишь довести его до туалета, а иногда тот даже мог справиться с чем-то сам, облегчая его ношу.

Но никто никогда не задумывался о том, что это вообще не должно было быть его ношей.

А «милосердие» брата заключалось лишь в том, чтобы безучастно наблюдать, как родители бьют младшего сына, а после говорить:

— Что ни говори, они наши родители. Они желают нам добра. Брат знает, что тебе обидно, но ты должен быть благоразумным.

С тех пор он перестал плакать. Он стал предельно послушным, безропотно прислуживая Линь Аню.

Тот из-за этого вообразил, что в брате теплится хоть какая-то привязанность к семье или хотя бы к нему самому. В конце концов он даже попытался шантажировать его своей жизнью, но просчитался.

Жэнь Минь когда-то кричала ему в лицо, тыча пальцем:

— Он твой брат! Ты просто неблагодарная тварь! Скотина!

Что ж, Линь Фэнмин и сам признавал: он был абсолютно холодным и равнодушным человеком.

После случившегося все твердили, что Линь Ань прыгнул из-за него, что это он хотел довести брата до смерти.

Позже он думал: если бы убийство не каралось законом, он бы и впрямь не отказался прикончить Линь Аня. Но... ладно. Янь Юнь расстроился бы. Он сын полицейского, всю жизнь прожил с чистой совестью и безупречной репутацией. Тот и так сделал для него слишком много, нельзя было причинять ему ещё больше боли.

В тот день после экзаменов, когда все обсуждали планы на лето или темы сочинений, Линь Фэнмин стоял в конце коридора, сжимая в руке телефон. Из трубки доносились потоки брани и обвинений: почему он не ответил на сообщение?

Он в глаза не видел никакого сообщения, но ему было лень объясняться.

Линь Ань решил прыгнуть именно в разгар экзаменов. Это была извращённая, почти сладострастная месть.

А Янь Юнь решил рискнуть собственным будущим в тот же самый день, лишь бы спасти его.

Поэтому, когда Линь Фэнмин узнал о «самоубийстве», в его душе не шелохнулось ничего. Он

мгновенно разгадал истинную суть вещей.

Ну удалил Янь Юнь сообщение, и что с того? Брат-то жив, чего они так рано заголосили?

И когда Линь Юнхуэй захлебывался от ярости в трубке, пока его «любимый» старший сын лежал на больничной койке, Линь Фэнмин сидел в шумном зале караоке. Его сердце замирало от тайного поцелуя того, кто спас его, и он не чувствовал ни малейшего груза на совести.

Линь Фэнмин не позволял Янь Юню скрывать от него что-либо, но сам никогда не делился с мужем подобными чувствами.

Он никогда не был тем «чистым и благородным лотосом», каким его видел Янь Юнь. Он с самого начала был роскошным цветком тамариска, чьи корни давно подточила гниль.

Он и не подозревал, что поцелуй тогда был наполнен не только юношеской влюблённостью, но и невыразимой виной.

Он знал лишь одно: он наконец-то получил поцелуй, который не имел никакого отношения к другим людям. Поцелуй, принадлежащий только ему.

После Линь Фэнмин окончательно порвал с семьёй. Учась в университете, он не взял у них ни копейки, а после свадьбы не отправил домой ни гроша.

Все родственники в один голос называли его «неблагодарной тварью». Репутация родителей была втоптана в грязь. Линь Юнхуэй не раз пытался шантажировать его, вымогая деньги. Однажды Линь Фэнмин поднял трубку и, помешивая ложкой соевое молоко, небрежно спросил:

— Папа, а ты боишься смерти?

Его голос был тихим, словно он опасался быть подслушанным, но в этих словах звучала такая серьёзность, что отец содрогнулся:

— Ты...

— Тогда я дам тебе совет: если боишься, больше сюда не звони.

Он закончил говорить, и в этот момент рядом раздался голос:

— С кем это ты разговариваешь?

Тон Линь Фэнмина мгновенно потеплел:

— Да так, ни с кем.

С этими словами он демонстративно сбросил вызов, убрал телефон за спину и поднял взгляд на Янь Юня, ожидая поцелуя.

Тот, как и ожидалось, решил, что муж воркует с каким-то подозрительным поклонником. Он тут же притянул его к себе за талию и, впившись в губы, покусывая их, пробормотал:

— Признавайся, кто это был?

Линь Фэнмин вдоволь насладился его ревностью и лишь затем лениво ответил:

— Линь Юнхуэй... Сказал, что мой брат в больнице, просил денег.

Янь Юнь нахмурился:

— У него ещё хватает совести просить у тебя деньги?!

— Я сказал, что у меня их нет, и велел ему катиться к чёрту, — юноша закинул руки на плечи мужа, пристально глядя ему в глаза. — Не обращай внимания.

Дыхание Янь Юня перехватило, и в следующую секунду он снова накрыл его губы поцелуем.

***

Линь Фэнмин почувствовал, что в горле пересохло. Он сделал большой глоток. В свете ламп струйка вина скользнула по шее и скрылась под воротником рубашки. Он небрежно поставил бокал на столик; звук удара доньшка о поверхность слился со звоном льда.

Он пил гораздо увереннее Янь Юня, но во взгляде всё равно сквозила привычная холодность. Этот образ — спокойного, но явно захваченного алкоголем человека — заморозил зрителей:

[Черт, я хочу это слизать...]

[А-а-а-а, как же он манит! Я всё, я просто умираю! Требую перехода к следующей стадии игры!]

[Так хочу увидеть профессора Линя пьяным в стельку... Пробуждает во мне все скрытые наклонности.]

[Слишком горячо! Братец Юньцзы, твоя жена чертовски горяча. Ну и повезло же тебе, парень!]

Цинь Фэн закончил свои расспросы. Линь Фэнмин даже не запомнил, кого и о чём спрашивали; он знал лишь одно — теперь очередь Янь Юня.

Тот молча коснулся поворотного диска. В этот момент судьба решила сыграть с ними шутку.

Стрелка плавно вращалась и, наконец, замерла на имени «Линь Фэнмин».

В комнате повисла тишина, но зрители мгновенно оживились. Чат взорвался призывами к действию. Янь Юнь заметно нервничал, его кадык дёрнулся. В конце концов он смог выдать лишь один простой вопрос:

— Что ты... больше всего хочешь сказать мне прямо сейчас?

Задав вопрос, он опустил взгляд, словно ожидая приговора.

Линь Фэнмин задумчиво потирал край бокала. Спустя мгновение он поднял глаза на мужа. Он выглядел слегка захмелевшим, в его взгляде читалась странная, туманная нежность:

— Я хочу сказать... кажется, ты уже очень давно меня не целовал.

<http://bllate.org/book/15367/1372809>